

Полуденное солнце прогрело сад до тропической бани. Испарения богато орошаемой земли висели в воздухе, цеплялись за кожу липким потом и грязью. Катя с Настей, спрятавшись под кронами деревьев, по очереди катались на качелях, умело сооружённых накануне дядей Мишней. — О, смотри, кто идёт, — весело вскинула головку Катя. Вероника, едва переставляя ноги, качаясь из стороны в сторону, как зомби, явно подыгрывая, шла по тропинке между кустов. — Ну чё вы тут, катаетесь без меня? — спросила она заплетающимся языком. — А я с утра рыбы с дядей Мишней наловила. — Мы видели. Много ты поймала? — спросила Настя, ухмыляясь. — Одну рыбину, зато какую! — Вероника выгнула бровку. Катя заулыбалась шире. — Что-то я там в ведре ничего такого не видела, — заметила она. — Не там искала, — Вероника тоже обнажила зубки. — А что ещё где-то есть? — Катя удивлённо округлила глазки. — Да, есть одно местечко, тёплое, — Вероника опять выгнула бровку. Катя с Настей прыснули со смеху. Вероника, довольная, что шутка удалась, стояла подбоченясь перед ними, поигрывая коленкой. — Ты с нимексом что ли занималась? — спросила Катя, недоверчиво поглядывая снизу. Она сидела на дощечке и невольно замерла, готовясь отпустить ноги. — Ну я и говорю: поймала на рыбалке вот такого сома, — Вероника развела руками на тридцать сантиметров. — В лодке? — Катя с улыбкой на губах, чувствуя подвох, свела бровки. — А где же ещё? — сказала Вероника. Она валяла дурака, это было видно невооружённым глазом. Настя первая раскусила обман. — На что ловила-то хоть? — со смехом спросила она. — На живца, что же ещё? Девчонки взорвались хохотом. Катя согнулась пополам, нырнув лицом между коленок. — На живца? — переспросила она, давясь от смеха. — Ой, девочки, я, кажется, сейчас описаюсь. И как твой живец, не лопнул? Вероника приняла обиженный вид. Её губки скептически скривились. — Ты, Катя, не рыбачила ни разу, и смеёшься, как дурочка. Смотри, чтобы твой живец от смеха не лопнул. — Девочки, не ссорьтесь, — Настя сделала шаг вперёд, вставая между Вероникой и Катей. — Брёшь ты всё! — весело воскликнула Солнцева. Её глазки возбуждённо горели. — Не было у тебя никакой рыбалки. Ты бы сейчас на ногах не стояла, если бы в тебя такая рыба влезла. Настя повернулась к Веронике и встретилась с ней взглядом: — Действительно, где доказательства? — спросила она. — Хотите доказательства? — голос Вероники прозвенел знакомой задиристостью. — Хотим, — жеманно улыбалась Катя. Настя кивнула. — Хотим, — надула она губки. — Будут вам доказательства, — Вероника топнула ножкой, скривила злую рожицу и, развернувшись, поплелась к дому. Она по-прежнему едва держалась на ногах, чем несомненно подтверждала свой статус затраханной дядей Мишней студентки-второкурсницы. И всё же Катя отказывалась верить. — Ты ей веришь? — спросила она, когда Вероника скрылась за кустами. — Кто её знает. Может, и врёт. Она вообще врать мастерица, — Настя задумчиво нахмурилась. — Она такая худенькая, — рассуждала Катя. — И не боится совсем. Настя ухмыльнулась: — А ты что же, боишься моего отца? Катя выгнула бровку. — А ты нет? — спросила она, бросая взгляд снизу. — Я-то другое дело, — Настя скривила губки. — Я ж не собираюсь с ним спать. Катя хмыкнула. — А я типа собираюсь, — сказала она. — Ну ты хотя бы можешь представить себе это, — Настя бросила ласковый взгляд на сестрицу. — Нет уж! — встрепенулась Солнцева изумлённой улыбкой. — Вот что-что, а это я себе представлять не хочу! Они рассмеялись. Не так громко, как с Вероникой, и не так уверенно, как обычно. — А ты бы как хотела девственность

потерять? — спросила Настя, загадочно улыбаясь. — Что значит «как»? — Катя вылупилась на сестрицу. — Ну с кем, например. Или где, — кошечкой отозвалась Корчагина. — Даже не знаю. Я ещё об этом не думала, — Катя сдвинула бровки. Настя помолчала, а потом сказала совсем погрустневшим голосом: — Лучше, наверное, с опытным партнёром, чем так, как я. Катя с сожалением посмотрела вверх: — Расскажешь мне? — В другой раз, — Корчагина будто отмахнулась, её взгляд был устремлён в даль. — Пойдём, может, к дому. Там, кажется рыбу чистят, — предложила Катя. Приобняв друг друга за плечи и талию, они зашагали к дому. Их бёдра стукались, создавая новый повод для смеха. — Если хочешь рыбу научиться ловить, то лучше взять с собой опытного рыбака, — заметила Настя. — Такого, как твой отец? — Катя бросила игривый взгляд на сестрёнку. — Ну или как твой, — ответила та хитрой улыбкой. Вместе они чувствовали, что тайна Настиной влюблённости в дядю Андрея объединяла их. «Вот если бы Настя встречалась с моим папой! — радостно трепетала в мыслях Катя Солнцева. — Тогда бы я стала её дочкой, а она моей мамой!» 16 Кухня располагалась на первом этаже. Разложив снасти и сапоги сушиться, Михаил не спеша занялся приготовлением обеда. Он был опустошён, приятная тяжесть в яйцах отпустила, накопленные соки остались в Веронике хотя бы по ощущениям. Кроме того, его переполняло чувство влюблённости и необычной животной похоти. Ему хотелось повторить опыт с примесью остроты и новой вседозволенности. Сексуальные фантазии нахлынули рекой. В таком мечтательном положении его и застал Андрей Солнцев, спустившийся на кухню со второго этажа. — О, рыбы наловили, — заметил он, заглянув сверху в ведро. — А то, — отозвался Михаил. Довольная улыбка заиграла на его слегка подгоревшем лице. — Как там Вероника, не уснула в лодке? — Андрей зевнул, весело улыбаясь. — Соснула часок. — А. Михаил хитро прищурился: — Отсосала в смысле, — заметил он. Андрей с удивлением покосился на Корчагина: — Даже так? — сказал он, недоверчиво хмурясь. Михаил продолжал ухмыляться. — А то. Огонь девка. И пиздёнка у неё не разбитая ещё. Вот что значит не рожала. Андрей покачал головой. — Что вы теперь будете делать? — спросил он. — Поживём — увидим. А ты как, не хочешь попробовать? — Миша с хитрецой взглянул на Солнцева. — Думаешь, она даст? — тот вернул озадаченный взгляд. — Вот она, кстати, идёт. Спроси у неё, — Корчагин ухмылкой указал на приближающееся чудо в шортиках и майке. Вероника влетела на кухню словно ураган, затанцевала вокруг мужчин и тут же рухнула на стул, вытянув ноги на полкухни. — Дядя Андрей, доброе утро, — пропела она. — Доброе, — отозвался Солнцев. — Как ты себя чувствуешь? — А что? — девушка выкатила глазёнки. — Выглядишь уставшей, — Солнцев сопроводил слова доброй отеческой улыбкой. — Устала потому что. А вы как, хорошо поспали? Я — замечательно, — Андрей опёрся попой на кухонный шкафчик, скрестил руки и ноги. — Сны вам не снились? — Вероника бросила на него игривый взгляд снизу. — Мне редко снятся, — он смотрел на неё задумчиво, представляя, как она отдаётся в лодке. — А мне постоянно, — Вероника приподняла бровку. — И что же тебе снится? — он улыбнулся краешком губ. — Вот сегодня, например, снилось, что я с двумя мужчинами в лодке, — Вероника включила знакомое дурачество в голосе, на лице заиграла плутовская улыбка. — А одного уже мало? — Андрей всем своим видом выражал безразличие, хоть и был не против поиграть. — А вы о чём сейчас говорите? — Вероника нахмурилась, скидывая маску, притворяясь, что обиделась. — О рыбалке, конечно же, — Андрей спохватился, стал серьёзным. — Во-о-т! — Вероника сделала забавную рожицу, подняла указательный палец вверх. — А я о сексе. Мне вообще только эротические сны снятся. Так вот.

Снилось мне, что я с двумя мужчинами в лодке занимаюсь любовью. А потом у одного рыба начала клевать, и он всё бросил. И второй тоже схватился за удочку. А меня оставил. Михаил, следивший всё это время за разговором со стороны, закончил с приготовлениями, взял полотенце в руки. — А одновременно что ли нельзя: ловить и заниматься? — спросил он, улыбаясь. Он стал посреди кухни, широко расставив ноги. Его шорты бугрились, мышцы на волосатой груди напрягались всеми жилками и контурами. — Ну это очень сложно. Даже у вас, наверное, не получится, — Вероника посмотрела на него ласково сверху. Её взгляд то и дело опускался на шорты, она облизывала губки. — Откуда ты знаешь? — глаза Михаила затуманились. — Видела, как вы ловите. Вы же червя не сможете без рук на крючок насадить, — Вероника не штила и флиртовала. Она томно прикрывала тяжёлые веки. — А зачем мне руки? — Михаил был похож на Аполлона, жаждущего соития с богиней юности. Андрей, предчувствуя интимное развитие беседы, ощущал себя лишним на кухне. К счастью послышались девичьи голоса, и скоро на пороге кухни замаячили румяные хитрые мордашки. Увидев девочек, Михаил сменил позу. Он вновь выглядел уставшим и довольным. — Так, девочки, — заворковал он. — Усаживайтесь поудобней, сейчас будем рыбу чистить. Катя, первая ступившая к ведру, надула губки: — Ой, я боюсь, — пролепетала она. — Она ж сдохла, — Вероника зачерпнула рукой рыбу, плавающую брюхом кверху. — Ну и что. Кровь всё равно есть, — Катя отступила к раковине. Михаил отложил полотенце. — Тогда, Катюха, разогревай плиту, — с шуточным сожалением произнёс он. — Жарить, надеюсь, не боишься? — он подмигнул. — Не-а, — Катя улыбнулась, надевая фартук. Настя, стоявшая всё это время у двери, улыбалась, глядя, как Катя неумело возится с плитой, принюхивается к сковородке. — Правильно, Катюха, вжарь ей! — сказала она, усмехаясь. Засмеялись все. Вспомнилась пошлая шутка про рыбку-парикмахершу. Миша Корчагин закхекал, потирая ладони. Андрей Солнцев развесил довольные щи. Он пялился на женственную фигурку дочери, прикидывал, как она так трахалась, что чуть не залетела по неосторожности. «Молоденькая сучка, — думал он. — Врёт и не краснеет». Его мысли переместились на жену, которая ушла к другому от части из-за бурного темперамента. «Удовольствий ей в жизни не хватало. Сука! Вот и получила!» — стиснул он зубы. — Жарить Катя умеет, — проворчал он вдруг, нашупывая аналогию с женой. 17 После обеда, немного передохнув, Корчагин предложил девушкам прокатиться в город. — Надо затариться, — намекнул он на иссякающие запасы алкоголя. Андрей не горел желанием париться в пыльной машине и остался караулить дом. Засев чистить картошку, он почувствовал приятное расслабление, схожее с нирваной. Сам процесс ковыряния ножичком в червивых корнеплодах настраивал его на лирический лад. Как много можно передумать, срезая обычную кожуру. Кухонная дверь скрипнула, от неожиданности у Андрея отвисла челюсть. Настя Корчагина пугливой кошечкой стояла в дверном проёме, опустив глаза, переминаясь с ноги на ногу. — Настя? — он растерялся. — А ты почему со всеми не поехала? — Кто-то же должен остаться, чтобы картошки начистить, — она закусила нижнюю губку. — Так я бы сам и справился. — Вам уже и помочь нельзя? — она подняла глазки. — Можно, конечно. Садись. Сейчас я помою ещё и начнём чистить. Он достал новую кастрюлю, насыпал туда немного картошки, тщательно промыл её. Ему и в голову не могло прийти, что Настя захочет остаться. Теперь он даже не сомневался, что им предстоит серьёзный интимный разговор. Они уселись друг напротив друга, принялись срезать кожуру. Настя вела полосу медленно, снимая тонкий слой. Андрей рубил нервно, ломтями, оставляя ровные плоскости. — Знаешь, я хотел извиниться перед тобой за вчерашнее, — сказал он

вполноголоса, когда давящая тишина подействовала удручающе. — За что именно? — Настя с вялым безразличием вырезала глазки. — Ну там, в кустах. — И что в кустах? — она даже головы не подняла. — Я подумал, может, ты сердишься на меня. — За что? — она бросила на него короткий взгляд. — Нет, ты всё-таки сердишься, — он криво усмехнулся. — Объясните, сначала, за что я должна на вас сердиться, — её голос поднялся на пол октавы, обнажая обиду. Андрей тяжело вздохнул, нахмурился. Он надеялся получить прощение, вместо этого загнал себя в ещё больший тупик. Болезнь нная пауза вновь зависла между ними. — Ну зачем ты так? — ласково произнёс он наконец. — Мы же взрослые люди. Могли бы уже помириться по-человечески. Я ведь тебя ни в чём не виню. — А что, я должна чувствовать себя виноватой? — она опять бросила на него короткий взгляд, в этот раз полный презрения. Андрей внутренне сжался. — Нет, конечно. Но могла бы извиниться хотя бы, — он почесал щетину на щеке ручкой ножа. — За что? — Настя остановилась. Срезала сразу большой кусок. — Ну, за то, что подсматривала за мной, — он посмотрел на неё из-подо лба. Она швырнула не дочищенную картофелину в кастрюлю. — А с чего вы взяли, что я подсматривала? — подняла на него ясные глазки. Андрей боялся смотреть на неё прямо. — Ну хорошо, я ещё и плохо о тебе подумал. Прости меня, пожалуйста, — пробурчал он, выдавливая из себя улыбочку. Вышло паршиво. Она зависла в мыслях, затем подхватила картофелину и произнесла обиженным тихим голосом: — Никогда не думайте обо мне плохо. — Я неправильно выразился, — поспешил Андрей. — Я вообще человек простой и оттого немного грубый. — Оно и видно, — опять те же нотки обиды в её голосе. — Знаешь, был бы я помоложе, ну или ты постарше, и если бы мы не были с тобой в родственных связях... Он остановился, воздух заполнял его лёгкие. Он не знал, как закончить фразу. Уж слишком яркая фантазия витала в голове. — То что? — подтолкнула Настя. Андрей жевал губы. Наконец, улыбаясь, как провинившийся юноша, хмыкнул и сказал не своим театральным голосом: — Я бы влюбился в тебя по уши. Вот честно скажу, ты мне чем-то жену в молодости напоминаешь. Такая же обидчивая и ранимая, как цветок. Так что давай жить дружно, и не будем больше ссориться. Я к тебе очень хорошо отношусь. Он вздохнул с облегчением, выдавив из себя эти слова. Теперь он открыто смотрел на неё, излучая формальную доброжелательность. — Так вот, значит, что вам мешает влюбиться, — Настя хитро улыбалась, продолжая чистить картошку. — Возраст и родственные связи? — Просто я хочу сказать, что я тебя уважаю и ты мне нравишься как человек, и я никогда ничего плохого про тебя не подумаю. Настя улыбалась. — Спасибо, — произнесла она тихо. — Это очень мило, — облизнула губки. — Забудем про то, что случилось? — он вернулся к картошке. — Что случилось? — она опять нахмурилась. — Ну вот ты опять за своё, — его руки невольно опустились в кастрюлю. Они продолжили чистить в тишине, каждый думая о своём. Андрей сожалел, что начал этот дурацкий разговор. Возможно, Настя и не хотела вспоминать, а он настоял. «Сам напросился. Дурак!» — корил он себя. — Да, я мастурбировала в кустах. И что теперь? Мне уже и помастурбировать нельзя? — сказала Настя, не поднимая глаз. Её голос с хрипцой ломался, а пальчики слегка подрагивали. — Можно, конечно. Я ж про это и говорю, — Андрей оживился. Сердце забилось быстрее, кровь прилила к лицу. — А ещё я подсматривала за вами и мастурбировала одновременно. Я плохая, да? — она подняла на него грустные глаза. — Нет, почему. Это нормально для твоего возраста, — он попытался скрыть нарастающее смущение глупой улыбкой. — Опять вы со своим возрастом! А для вашего возраста тогда что нормально? — она хмурилась. Он видел это краем глаза. «Какая же она красивая, — думал он, мысленнокусая локти. — И я — остолоп!» — Вот

вы говорите, что влюбились бы в меня, если бы не возраст. А я, может, уже влюбилась в вас и не думаю о возрасте и родственных связях, и не стесняюсь говорить вам об этом, — её голос дрожал, становился громче и ярче с каждым словом, будто она гвозди вбивала. — А вы просто трусы! Так и будете думать про свой возраст, пока не умрёте от старости. Один в холодной постели, — её глаза метали искры. Он встретился с этими глазами на короткое мгновение и тут же понурил голову. Что он мог возразить? Настя подскочила, как ужаленная, и бросилась к двери. Он лишь услыхал, как застучали её пяточки на лестнице. — Настя, постой! — бросил он вслед. Но было поздно, она хлопнула дверью наверху, а он остался сидеть с не дочищенной картофелиной в грязных пальцах. «Трус! Вот уж верно подмечено», — думал он, приходя в себя. Медленно отложив ножик, он обмыл руки в раковине и тяжёлой поступью вышел из кухни. Деревянная лестница под ногами заскрипела, выдавая намерения. «Что я теперь ей скажу? — думал он, поднимаясь наверх. — Что я трус? Да что тут теперь скажешь». Дверь, ведущая в комнату девочек, была приоткрыта. Постучав легонько, он заглянул внутрь. Настя лежала на кровати, свернувшись калачиком, лицом к стене. Тонкое покрывало выделяло контуры её бёдер, изгибы ягодиц и плеч. — Настя, Настюш, — жалобно произнёс он.

Корчагина не шелохнулась. Казалось, всё её тело сжалось от его слов, будто от болезненных ударов. Солнцев чувствовал себя виноватым и одновременно счастливым. Красавица Настя призналась в любви. То, чего ему не хватало в жизни, совершилось столь нелепым образом. Ему хотелось утешить девочку, признаться во взаимной симпатии. Не мог же он рассказать ей, что тоже мастурбировал накануне, представляя себя с ней. Он не делал этого со времён царя Гороха, а тут не удержался. Подойдя к кровати, он сел на край и аккуратно положил руку на Настино плечо. — Прости меня, — шептал он, ведя рукой по спине. — Я тоже тебя люблю. Он хотел добавить, что по ряду известных причин они не могут быть вместе, но Настя опередила его. Повернувшись, она улыбнулась тоскливо, встречаясь с ним взглядом. Её нежное заплаканное лицико распухло от слёз, мешочки под глазами подрагивали, уголки губ опустились. — Тогда поцелуйте меня, — сказала она сипящим голоском, приоткрывая губки. Её воспалённый взгляд следил за мимикой на его лице. Он не мог отказать, лишь поцелуй в щёчку вернул бы их к прежним отношениям. Склонившись, он направил губы в сторону щеки. В этот момент Настя и поймала его, нежно присосавшись, втянув рот в танец любви. Он попытался вырваться, но она уже обвила его шею руками, крепко держала пальцы, сплетённые в замок. Тёмная безумная страсть, вулканом клокочущую, прорывалась лавой похоти наружу. Ладони Солнцева скользнули под покрывало, под маечку, накрыли Настины грудки. Красивые упругие холмики с твёрдыми шишечками сосков заиграли на пальцах. Он скользил дальше, обхватывая горячее тело, извивающееся под ним. Легко запустил руки под поясницу, мягкие бёдра разошлись параболами, косточки таза и резинка трусиков, натянутая между ними, заиграли на подушечках пальцев, намекая на пышущее жаром естество внизу. Он терял голову, улетал в мечту, дразнившую его со вчерашнего дня. Нырнув с головой на мягкую грудь, он полностью обхватил соски, вытянул их губами. Они быстро налились бледно-лиловой припухлостью. Настя стягивала с него рубаху. Откинув покрывало, расстегнула пуговку на поясе. Андрей потянул разъехавшиеся молнией шортики, и девушка осталась лежать перед ним в белых трусиках и маечке, закатанной к шее. Его грубые ладони неслись дальше, по животику, спускались к талии, нащупывали ягодицы, стремились вверх к упругим холмам грудок, которые он так тщательно прихорашивал языком. Его желание, выраженное в железной эрекции, оставалось скрытым под джинсами. Он до конца надеялся,

что дело так и закончится интимными поглаживаниями, но Настя опять опередила его. Скользнув рукой к прикроватной тумбочке, выудила квадратик презерватива из верхнего выдвижного ящика. Вложила ему в ладонь колючую по краям пластиковую упаковку, плотно складывая его толстые пальцы, словно чёрную метку передала. «Мяч на твоей стороне! — говорил её жест. — Не ударь в грязь лицом». Он понял по её закрытым глазам, что она не хочет знать, что происходит внизу, не хочет принимать участие в надевании резинки. Всё должно быть естественным и безопасным. Его движения соответствовали ожиданиям. Настя, прикрывая веки, облизывала губы. Её ножки раскрылись, обнажая широкую поверхность таза. Углубление под выпуклым лобком таило складочку, хорошо просматриваемому сквозь тонкую ткань трусиков. Андрей плавными движениями тигра, наполненными любовью и вниманием, стянул с Насти трусики. Её цветок, слегка приоткрытый розовой мякотью, с восторгом отозвался на поглаживание пальцем. Настя выгибалась в пояснице, страдая от томления. Она сложила ножки коленками в стороны, подтянула пяточки вверх, раскрываясь ему навстречу во всей красе. Её киска была тщательно выбrita за исключением курчавого чёрного треугольника на покатом лобке. Андрей не выдержал и приложился ртом к розовой щели. Как давно он не ласкал женский клитор. Его язык полностью накрыл сочающуюся нежную грушу, раскрывая её губки, раскладывая их над две стороны. Треугольный капюшончик по центру с продолговатым нежным утолщением заиграл по центру. Равно, как и девочка, сходящая с ума под его прикосновениями. Она дрожала, издавая стоны, похожие на всхлипы. Обхватив себя за грудки, Настя тазом выводила восьмёрку, словно вырываясь из цепких объятий. Андрей обхватил её за бёдра, найдя упор в косточках, и слился ртом в танце. Она страдала, водила язычком по пересохшим губам, закусывая их. Её закрытые веки изредка обнажали закатывающиеся зрачки. Андрей быстро скинул с себя джинсы с трусами, раскатал презерватив на колом торчащем члене и, осторожно опустившись между Настиных бёдер, локтями и коленями придерживая массу тела, воткнулся в основание груши. Он направил член рукой и сразу проник на три сантиметра. Застыв, он дал телам приспособиться, привыкнуть. Наконец, нежным продавливанием он заскользил по тугому, сдавливающему влагалищу, забирая Настю по сантиметру, пока все двадцать не остались в ней. Она обхватила его ножками со спины, стесняясь использовать руки. Казалось, она танцует с ним, выдерживая расстояние, пальчиками диктуя ритм, стесняясь спросить, может ли она рассчитывать на большее. Андрей, целуя нежные губки, невольно наращивал темп внизу. Он не отдавал отчёта в происходящем, животная страсть захватила его чёрным заревом, подчинила волю. Найдя упор в локтях и коленях и убедившись, что кровать неподвижно закреплена в углу комнаты, он расслабился в одном желании раствориться с Настей в танце любви. Его бёдра обрушивались. Выгибаясь в пояснице, он складывался над девушкой. Мышцы заиграли на спине. Прибивая Настю, он разбил текущую киску в тихо чавкающую мемброну. Член стал похож на железный кол, как сук вросший в лобок, лакающий рог изобилия, готовый пролиться семенем, достаточно лишь удовольствию перелиться через край. Отсутствиеекса отучило Андрея кончать, оргазм не спешил выплёскивать соки, он собирался, вызревал, скапливаясь в яйцах болезненным томлением. Настя ускорила точку невозврата. Её нежное хлюпающее влагалище тихими спазмами возвестило наступление разрядки. Забившись в припадке, неконтролируемом срыве в пропасть, девушка вцепились ногтями в спину, захрипела, пятками прохаживаясь по ягодицам. «Вот бестия!» — восхищённо думал Андрей, срываясь за ней в оргазм. Его член, хаотично слившийся с

Настиным тазом, забился глубоко внутрь, заёрзal, вгрызаясь головкой в матку. Он взрывался, застывая сталью, прокачивая густые струи спермы, вновь и вновь доказывая господство твёрдой плоти над нежным цветком. Настя принимала его самоотрешённо. Распахнувшись объятиями для дяди Андрея, она испытала невероятный оргазм, несравнимый с тем, что она испытывала раньше во время мастурбации. То было лишь жалкое подобие удовольствия, которое накрыло её сейчас. До звёздочек перед глазами, до дрожи в коленках, до гусиной кожи по заднице, до жара в паху, будто раскалённая печка взорвалась от закиданных в неё дров. Она обнимала Андрея, обвивая его всем телом, целовала в ушко, носик, губки, шептала, всхлипывая: — Я люблю тебя, обожаю. Он улыбался счастливой детской улыбкой, его щетина царапала лицо. — Я тоже тебя люблю, зайка. Очень люблю. Они долго лежали в объятиях друг друга, не желая расставаться с замком любви, сплетённым внизу. Тела липли, руки скользили, повторяя опыт, губы искали подтверждения свершившегося. Лишь мысли о приближающемся ужине вывели их из забвения, заставили вернуться к реальности.